

Старообрядцы Тувы: ретроспектива и современный этап

Старообрядцы в Туве – привычное явление, они первыми в конце XIX в. начали переселяться на постоянное жительство в неведомые ранее для русского человека земли Урянхая в поисках свободных земель и независимости от светских и церковных властей. Трудлюбивые и предприимчивые, они сумели адаптироваться к новым условиям, наладить отношения с местными властями, поселиться компактно в созданных ими же деревнях и поселках, завести крепкие самодостаточные крестьянские хозяйства. Несмотря на удаленность от метрополии и полунатуральное хозяйство, стремление к изоляции от «мира», им удалось сохранить старую веру и воспитать в ней последующие поколения, преодолеть разногласия между отдельными толками, консолидироваться и выжить в условиях агрессивной атеистической политики государства в советское время. Именно благодаря «закрытости» староверов в их культуре – бытовой и духовной – сохранились архаичные, реликтовые черты традиционной русской культуры и быта.

Ключевые слова: переселение в поисках Беловодья, хозяйственная самодостаточность, крепость старой веры, противостояние натиску атеизма, сохранение старорусской культуры.

М. П. Tatarintseva

Old Believers of Tuva: retrospective review and contemporary stage

Old Believers in Tuva is a common phenomenon. They were the pioneers at the end of the XIX century seeking for a permanent residence in Uriankhai region which had been completely unknown to Russian people, searching for free land and independence from secular and ecclesiastical authorities. Hardworking and enterprising, they were able to adapt to new conditions, to establish relations with local authorities, settle compactly in villages and towns founded by them, were able to start up strong self-sufficient farms. Despite the distance from the metropole and semi-subsistence economy, aspiration to isolation from «the world», they managed to preserve the old faith and educate next generations align with it, overcome divisions in denominations, consolidate and survive under aggressive atheist state policy in the Soviet era. Due to «closed nature» of Old Believers culture, household and religious, archaic relic features of traditional Russian culture and life has been preserved.

Key words: migration in search of Belovodye, economic self-sufficiency, strength of old faith, opposition to onslaught of atheism, preservation of old Russian culture.

Алтай и юг Енисейской губернии – основные места исхода старообрядцев, активно в конце XIX – начале XX в. переселявшихся в Туву в поисках свободных земель и независимости от светских и церковных властей. Кроме того, малозаселенная Тува представлялась им землей девственной, неоскверненной; многие, удалившись в недоступную горную тайгу, с чистейшими реками и озерами, надеялись найти здесь землю обетованную, Беловодье (Белогорье).

По воспоминаниям старожилов Тувы, переселенцев из села Усинское, что находится по соседству с Тувой на юге Красноярского края, в начале XX в. в Усинском было уже три церковных здания: православная церковь и старообряд-

ческая часовня австрийского согласия в Верхнеусинском, а также моленный дом беспоповцев в Нижнеусинском.

После того, как Россией был установлен протекторат (1914) над Урянхаем (прежнее название Тувы), Переселенческое управление стало наводить порядок с устройством русских переселенцев на новых землях, а также строить в новых русских деревнях и поселках школы, больницы, храмы. В «Плане работ на 1915 г. по Урянхайскому управленческому району» указывалось: «Вероисповедный состав русского населения в Урянхае выражается следующими цифрами: православных – 30 %, старообрядцев – 65 %, католиков, лютеран и прочих исповеданий – 5 %. Таким образом, православие в крае составляет небольшой процент» [1]. Более тщательное изучение архивов, посемейных списков переселенцев показывает, что количество старообрядцев-переселенцев в Туву в разные годы менялось, в начале XX в. старообрядцы составляли примерно треть от всего числа переселившихся русских в Туву.

В первые десятилетия XX в. в Туве православные храмы действовали в Туране (храм Святителя Иннокентия Иркутского), в Кызыле (Белоцарске) строился храм Георгия Победоносца и действовала разъездная церковь, планировалось строительство еще нескольких православных церквей. А в Медведевке (Каа-Хем) церковь была старообрядческая, как рассказывают старожилы – старообрядцы-поповцы австрийского согласия, «построенная мужиками, с колоколами и священником». Она была заложена в честь Покрова 14 октября, в престольный праздник, туда «съезжались все нашей веры», как говорили информанты (церковь была закрыта в 1954 г., позже в этом здании находилась сельская больница).

Официальным властям количество старообрядцев представлялось чрезмерным, а их воздействие на остальных переселенцев вредным.

В 1915 г. чиновник из Переселенческого управления, для которого все старообрядцы были «сектанты», писал о староверах Урянхая: «Относясь враждебно к православным переселенцам, они или увлекают их в сектантство, или стараются выжить их из края. Зачастую бывают случаи, что требы православных совершаются старообрядческими “священниками”, а затем население начинает свкаться, забывать церковь и переходить в сектантство».

На засилие старообрядцев в с. Усинском и в новых русских поселениях Урянхайского края указывал усинский пограничный штабс-капитан А. Х. Чакиров в обращении к епископу Енисейскому и Красноярскому в 1909 г.: «Казалось бы, – писал он, – что в далеком крае, по соседству с кочевыми язычниками ... важнейшей заботой нашей должно бы быть попечение о создании хотя бы одного в с. Усинском богатого Храма Господня с торжественным отправлением церковных служб и несколько малых по русским поселкам, разбросанным на спорной территории. Старообрядцы вовсе не скупятся на удовлетворение своих духовных нужд: у них в с. Усинском имеются три молитвенных дома, есть свои начетчики (священник у австрийцев) и старцы. ...Молельня у них (беспоповцев. – М. Т.) совершенно новая и на вид богаче и лучше православного молитвенного дома в с. Усинском. Кроме этого, в пос. Туранском (это уже территория Урянхая. – М. Т.) имеется молельня, куда приглашается начетчик Великим постом и летом.

Навсегда же поселился начетчик и на Малом Енисее, в новом русском поселке». (Начетчик – наставник, руководитель старообрядческой общины беспоповцев. – М. Т.).

Далее в обращении А. Х. Чакиров снова указывает на необходимость срочного строительства Храма Господня в с. Усинском, иначе «Пограничный Округ обречен будет лишь на волю начетчиков-старообрядцев» [2].

Таким образом, на наиболее густо заселенных русскими переселенцами территориях Тувы нередко преобладали староверы, имеющие свои моленные дома, своих наставников-начетчиков. Почти сразу у беспоповцев обнаружилось стремление селиться обособленно, отдельно от «никониан».

Переселенцы в Туве изначально представляли собой различные этнокультурные и конфессиональные группы. Как уже говорилось, выделялись две большие группы – православные (никониане) и старообрядцы. Но и крестьяне-старообрядцы не были едины, в их среде существовало еще и внутриконтрессиональное деление.

В первые десятилетия после переселения в Туву это деление было довольно пестрым. Из поповцев здесь были «австрийцы», сегодня их официально называют белокриницким соглашением, а беспоповцы делились на несколько толков: поморцы, часовенные и др.

Старообрядцы в XX в. в условиях Тувы прошли путь от полной изоляции от «падшего мира» (беспоповцы) к ориентации на необходимость взаимодействия с обществом при условии сохранения основных ценностей своей религии и культуры. Хорошее представление о совершенно изолированной от мира жизни старообрядцев-беспоповцев на Малом Енисее в первые десятилетия XX в. дает книга профессора П. Маслова, который полтора года жил в Туве, так как возглавлял перепись населения [3].

Многие старообрядческие общины изначально стремились селиться отдельно от никониан, чтобы не подвергаться не только преследованиям, гонениям со стороны властей и синодальной церкви, но и чуждым влияниям, «антихристовым прелестям», сохранить в чистоте присущий русскому человеку образ жизни, облик, а главное, старую веру. Беспоповцы часовенного согласия, компактно поселившиеся в верховьях Малого Енисея, яркий тому пример.

Компактность расселения, определенная изолированность, ограничения и запреты на свободу общения с «никонианами», особенности вероисповедания с многочисленными запретами и ограничениями сыграли большую роль в консервации исконно-национального, в сохранении традиционной культуры и «до удивления архаичных», по выражению ученых-этнографов, реликтовых в ней элементов.

По свидетельству Е. Д. Паздерина, подростком с Алтая перебравшегося на жительство в Туву, в труднодоступное верховье Малого Енисея в 1918 г., «в Верховье жило народу около ста человек, все старообрядцы, но они делились на разные ответвления. Почти каждая семья молилась отдельно, одни с другими не кушали, каждый себя считал чистым и святым». И еще: «Богу веровали одному, а толков было много, и они отделялись один от другого... В то время в Верховье

проживало не более 25 хозяйств, но они делились на 14 чашек, то есть одни с другими не кушали и не молились вместе, одни других считали отступниками». «Бог один, а вера разная», – так сами старообрядцы Тувы определяли сложившуюся в то время ситуацию [4].

Уже в наше время староверы указывали на отдельные различия в обрядах у разных сосуществовавших толков и согласий в пределах одной местности: «Их богослужение сопровождалось пением, как в православной церкви, а мы не пели»; «В Медведевке была одна старообрядческая церковь, в Даниловке – другая (моленный дом. – *М. Т.*). Они по понедельникам не ели молосного, а мы по средам и пятницам». То есть конкретные религиозные и бытовые запреты и рекомендации варьировались в зависимости от согласия.

Все жители деревни старообрядцев-беспоповцев делятся на «мирских» и «соборных». «Соборные» – это те, кто допускался на общие молитвы под руководством наставника, кто строго следовал всем требованиям, предъявляемым к настоящему христианину. «Мирские» – это те верующие люди, которые допускали послабления в строгих требованиях устава, нарушали запреты и ограничения, например, нарушали пост, курили табак, злоупотребляли выпивкой, сквернословили и др. Наставник мог наложить епитимью на «соборного» в случае его недостойного поведения, какой-либо провинности и отлучить его от собора на определенное время. Для глубоко верующего человека это было суровое наказание и испытание, он стремился как можно скорее замолить свой грех и вернуться в собор. И наоборот, в собор мог быть принят «мирской» при его праведном образе жизни в семье и общине.

Старообрядцам – выходцам из разных губерний России – в Туве пришлось преодолевать этнокультурные различия. Несмотря на обостренное этноконфессиональное сознание, стремление не отступать от своих принципов в вере, верх брал все-таки здравый смысл. При общей сравнительной немногочисленности старообрядцев в Туве резкая разобщенность и раздробленность была для них самих крайне неудобна, нерациональна и противоречила задачам сохранения старой веры и просто выживания. Только хорошо консолидированная, сильная группа староверов могла на новых местах начать новую жизнь по своим законам. На деле же нередко получалось, что перебравшаяся на жительство в Туву семья представляла отдельный толк или согласие, а родниться или общаться, молиться в соборе можно было только с представителями своего толка. Но чтобы выжить в далеко не благоприятных условиях, сохранить достоинство и «старую веру», воспитать в этой вере своих детей, а позже противостоять атеистическому нажиму со стороны государства, нужны были единство, сплочение, постоянная взаимная духовная и материальная поддержка единоверцев, их корпоративность, братство, и выстоять могли только хорошо сплоченные общины. Консолидация происходила в течение десятилетий, постепенно, в направлении от радикальных толков к более умеренным.

Непременным условием было одно: переход из одного толка в другой толк должен был сопровождаться определенными обрядами (например, продолжительным постом, усиленными молитвами, запретами на половую жизнь в тече-

ние определенного времени, новым крещением и др.). Главное же заключалось в том, что у старообрядцев разных толков и согласий, поселившихся в Туве, несмотря на их постоянные споры по вопросам веры друг с другом, общего было куда больше, чем принципиальных разногласий. По-видимому, даже принадлежа к разным толкам и согласиям, староверы осознавали себя частью целого. Отсюда возможность переходов из одного толка в другой, которые наблюдались у староверов Тувы на протяжении всего XX в. Историческая судьба, а главное, мировоззренческие основы старой веры у разных толков были едины, разногласия же чаще всего касались некоторых деталей вероучения, культа, отдельных обрядов.

Длительная изоляция от российских культурных центров, от влияния «мира» способствовала сохранению в среде старообрядцев реликтовых элементов традиционной культуры (книги, иконы, другие предметы культа, внешний облик, одежда, внутрисемейные отношения), которые позволяют рассматривать их как особую культурную общность.

Объединяли старообрядцев также общие мировоззренческие устои: идеализация прошлого, критическое отношение к настоящему и восприятие реалий жизни через призму их религиозно-философских представлений. В основе отношений с государством, окружающим населением, а также в основе хозяйственных дел лежала религиозная этика. И даже на самые животрепещущие вопросы современности они искали ответы в авторитетных священных книгах (и находили их, подбирая соответствующие прецеденты-аналоги). То есть знания, идеи, жизнеописания, притчи, заключенные в религиозных книгах, старообрядцы экстраполируют на свои повседневные нужды, дела и заботы. Н. Н. Покровский, одним из первых ученых обративший внимание на староверов Тувы, дважды побывавший здесь с археографическими экспедициями, назвал это явление «страстной актуализацией авторитетных текстов» [5].

Староверов, переселившихся в Туву, сплачивала не только конфессиональная близость, но и необходимость в целях самосохранения постоянно противостоять иноконфессиональному и инокультурному окружению, а несколько позже – все усиливающемуся административному давлению и безудержному насаждению атеизма. Прежний принцип отношения с властями – «всякая власть от Бога» – в условиях гонений и атеистического давления был заменен старообрядцами на принцип «антихристовая власть». Такой представлялась им советская власть.

К концу XX в. в Туве осталось три старообрядческих толка: поповцы – «австрийцы», беспоповцы – часовенные (местное население называет их толк стариковским) и поморцы (их немного осталось в основном в Тандинском кожууне). Все это довольно умеренные толки, у них уже не наблюдается той религиозной неистовости, нетерпимости, готовности стоять за веру «до конца», вплоть до самоубийства, которые прежде характеризовали некоторые толки.

Правда, часовенные все же несколько выделяются из этого ряда. Исследователи считают, что «по резкости разделения на «своих» и «чужих» часовенное согласие и сегодня обгоняет большинство других направлений старообрядчества, за исключением разве бегунов-странников.

Основной формой самоорганизации старообрядцев Тувы является конфессиональная община с ее жесткой системой запретов и регламентаций, коллективной помощью. Старообрядческие общины живут компактно, достаточно замкнуто и всячески охраняют этнокультурную и религиозную самобытность. Религиозная идентичность превратилась в важнейший фактор выживания и самосохранения общин.

Внутригрупповая сплоченность обеспечивала психологическую устойчивость к многочисленным испытаниям и трудностям, которые выпали на долю почти каждой старообрядческой семьи, сформировала особый тип человека, готового бороться за истину и претерпевать лишения. Так, у староверов-чашечников, по наблюдениям «мирских», очень развита взаимопомощь. «Если у кого горе, беда, помогут всем – приведут скот (корову, теленка), дадут одежду и т. д. Это делает обычно наставник» [6].

С самого начала заселения Тувы старообрядцами в верховьях Малого Енисея появились отшельники, а затем и скиты. Кельи, скиты всегда осмысливались староверами как пустыня, в которую удаляется христианин, чтобы очиститься от грехов. Есть скиты и сейчас.

Скитники ведут очень строгую, размеренную жизнь, большая часть времени уходит на молитвы. Для усмирения плоти использовались еще более строгие посты, чем у «мирских», многочасовые молитвы и даже ношение вериг. Первоначально скиты-монастыри находились на полном самообеспечении, каждый инок имел свое «послушание» – трудовые обязанности для жизнеобеспечения горно-таежного монастыря. В более поздние времена и в наше время, когда населять скиты стали в основном женщины преклонного возраста, нередко слабые и немощные, родственники и население близлежащих поселков стали оказывать им разнообразную помощь в работах по хозяйству, обеспечении мукой, солью и т. д.

Скиты, «святая земля», играли важную консолидирующую роль для всего старообрядческого населения Тувы. Аскетичная жизнь старца-пустынника, в основном проходящая в молитвах, – образец праведной жизни для верующих. С другой стороны, обитатели скитов как бы осуществляли попечение над духовной жизнью обычных верующих, служили для них примером, а то и идеалом христианина, полностью посвятившего себя служению Богу. В течение длительного времени авторитетнейшим руководителем-наставником старообрядцев часовенного согласия был отец Палладий (умер в 1970 г.) – «знаменитый верхне-енисейский пустынник», по выражению академика Н. Н. Покровского [7].

В процессе многовековой борьбы с государственным насилием сформировался особый тип личности старообрядца. Стойкость убеждений, твердость в вере, сознание своей правоты во все времена делали старообрядца для государства «неассимилируемым элементом», руководствующимся в жизни собственными правилами и этическими нормами. Свои ценностные ориентации они стремятся сохранить и передать следующим поколениям. Поэтому стараются не допустить влияния СМИ на души верующих, особенно молодежи, не позволяют рядом с иконами в доме держать телевизор, магнитофон и проч.

Современные старообрядцы Верховья, конечно, понимают, что совершенная изоляция от мира уже невозможна, но и смешиваться с ним они не хотят. В отдельных случаях жизнь заставляет их идти на компромисс (обучение детей в безбожной школе, прививки, фотографии на документы, служба в армии, попытки заняться коммерцией и т. д.). С другой стороны – они по-прежнему отказываются получать государственную пенсию, материнское пособие, любые другие выплаты и награды, не покупают продукты со штрих-кодом («антихристова печать») и т. д. Современные старообрядцы видят, что и молодежь уже не та, какими были они когда-то сами, когда воля родителей была законом для детей, и без родительского благословения дети не начинали ни одного дела и др. Однако в истинность и правоту старой веры, в то, что она со временем не исчезнет, старообрядцы верят непоколебимо. «Ну что ж, – говорят пожилые старообрядцы о молодежи, – “молодо-зелено, погулять велено”, это все пройдет, а от своей веры они не отойдут никогда, ниточка не прервется» [8].

Литература

1. ЦГА. Ф. 123. Оп. 2, ед. хр. 70. Л. 13-14.
2. Там же. Оп. 5. Д. 4. Л. 29-30.
3. Маслов П. Конец Урянхая. – М., 1933. Гл. 6.
4. Научный архив ТИГИ. Т. 714.
5. Покровский Н. Н. Путешествие за редкими книгами. – М., 1984. Гл. 1.
6. Научный архив ТИГИ. Т. 982. тетр. 17. С. 87.
7. Об отце Палладии см: Покровский Н. Н. Путешествие за редкими книгами. М., 1984. Гл. 1; Татаринцева М. П. Верхнеенсейский пустынник (устные и письменные источники об о. Палладии) // Культура как ресурс социально-экономического развития. – Улан-Удэ, 2010. – С. 376-385.
8. Полевые материалы автора.

УДК 281.93-3(091)(571.54)

doi: 10.18101/978-5-9793-0771-8-143-148

© *Д. Б. Фартусов*

Репрессивная политика советского государства в отношении старообрядцев Бурят-Монгольской АССР в 1930-е гг.

Работа позволяет увидеть репрессивный механизм советского государства, направленный против небольших религиозных объединений Бурят-Монгольской АССР в 1930-е гг. Опираясь на материалы Книги памяти жертв политических репрессий по Республике Бурятия, автор выявляет категорию священнослужителей из среды старообрядцев, подвергшихся политическому прессингу в период коллективизации. Особое внимание уделяется анализу данных по количеству начётчиков и уставщиков, привлеченных к наказанию. В заключение делается вывод о том, что репрессии против служителей культа и верующих активистов проходили в две волны – в 1929-1933 гг. и 1937-1938 гг. Если на первых порах в качестве меры наказания применялась высылка, то на втором этапе самой распространенной стала высшая мера наказания – расстрел.

Ключевые слова: политические репрессии, БМ АССР, преследования, старообрядцы-семейские, уставщики, начётчики, материалы архива Прокуратуры и ФСБ по РБ.